

ПРОЗА Э. ЛИМОНОВА: АВТОМИФОЛОГИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ

Безрукавая М.В.

Кубанский социально экономический институт, Россия, Краснодар, e-mail: bmarvasik@mail.ru

Данная статья посвящена прозе Э. Лимонова и его автомифологизации в контексте становления художественной концепции личности. Для анализа были взяты романы такие как «В Сырах», «Дед» и «Illuminations». Главная концепция человека у Э. Лимонова проявляется в личности самого автора, становящегося героем собственного текста. Э. Лимонов самовосхваляет себя, но сам человек у автора не вызывает высоких эмоций, а скорее показывает негативное отношение к нему. Э. Лимонов развивает, углубляет, расширяет ключевую тему русской литературы – тему сверхчеловека. Главная тема романов Э. Лимонова - это то, что человек непременно столкнется с бытом, обыденностью, собственным телом, которое подвластно законам старения; предательством и обманом мнимых соратников по политической борьбе, измена второй половины и скука. Для Э. Лимонова все высокие чувства – саркастическая иллюзия.

Ключевые слова: концепция личности, проза, сверхчеловек, контекст, человек, герой.

LIMONOV'S PROSE: HIS OWN MYTHOLOGIZATION IN THE CONCEPT OF DEVELOPING THE LITERARY PERSON'S CONCEPT

Bezrukavaya M.V.

Kuban socio-economic institute, Russia, Krasnodar, e-mail: bmarvasik@mail.ru

This article focuses on E. Limonov's prose and his own mythologization in the context of developing the literary person's concept. For analysis were taken novels such as "In the Sirah," "Grandfather" and «Illuminations». The main concept of E. Limonov's person appears in the personality of the author himself, becoming the hero of his own text. E. Limonov praises himself, but the author's man himself is not of the strong emotions, but rather shows a negative attitude towards him. E. Limonov develops, deepens, expands the key theme of Russian literature - the theme of the superman. The main theme of E. Limonov's novels is that people will certainly face to a life, the ordinary, his own body, which becomes older and older; treachery and deceit alleged colleagues in the political struggle, the women's betrayal and boredom. For E. Limonov all high feelings are sarcastic illusion.

Keywords: person's concept, prose, superman, the context, the man, the hero.

«Лимонов писатель плохой, но талантливый», — однажды сказал кто-то из критиков. Лимонов пробовал себя во многих жанрах, но лучше всего ему удастся писать о себе. Публицистика, мемуаристика, проза плавно перетекают друг в друга, создавая странного, но вполне жизнеспособного «кентавра», - пишет С. Беляков [1]. Концепция человека в прозе Э. Лимонова проявляется, прежде всего, в личности самого автора, становящегося героем собственного текста.

Совмещение инфантилизма и героизма, философичности и протестности, лишенной корысти, отличает два из последних текстов Э. Лимонова: «В Сырах» и «Дед». Очевидно, что оба текста написаны против старости, против неизбежной смерти, в пользу молодости, тщательно охраняемой автором в преклонном возрасте. Он много говорит о своих молодых девушках, о хорошем состоянии спортивного тела, об отсутствии усталости в политических баталиях, о прекрасном состоянии ума, продолжающего обретать новые, всегда экстравагантные идеи.

Возможно, это и неожиданно звучит для Лимонова-революционера, но в романах на значительном месте находится следующий мотив: человек – тот, кто неизбежно столкнется с бытом, с обыденностью, с собственным телом, которое подвластно законам старения. Поэтому, с одной стороны, в романах часто можно встретить эпизоды самовосхваления автора: у героя «масштаб восточного философа» [5, 34], «открытием «инстинкта убийцы» у человека он посрамил Ницше и особенно Фрейда» [5, 49], «чувство долга в нем было развито не менее, чем похоть» [5, 35]. В романе «Дед» есть глава «Всемирная слава». При этом сам человек не вызывает у автора-героя высоких эмоций: «Люди изменчивы как хамелеоны. Сегодня ребенка спасет, а завтра ножом пырнет соседа...» [5, 263-264].

«Другого Лимонов всегда готов наградить презрительно-уменьшительными суффиксами («человечек», «мещаночка», «провинциалочка») и уничижительными эпитетами («плебейка», «жалкие авторы», «истерическая крейзи», «ненормальная скорбь»), чтобы оттенить собственное превосходство», - заключает М. Свердлов [10].

С другой стороны, героя обманывают мнимые соратники по политической борьбе, ему изменяет жена, да и вполне ощущаемая скука (особенно это характерно для романа «Дед») распространяется по повествованию.

«Смешивая Жизнь и Искусство и с переменным успехом, выдавая одно за другое, Лимонов всерьез развивает, углубляет, расширяет ключевую тему русской литературы – тему сверхчеловека. Давно замечено, что отечественная словесность нанизана на проблему сверхчеловека, формирования из себя чего-то высшего – тут и Рахметов, и Долохов, и Базаров, и Раскольников, и горьковские босяки, и бунтарство Маяковского. К этой теме Лимонов подходит вполне осознанно – что-то такое протестное он, несомненно, ощущал, ещё работая портным в Харькове. В мемуарном романе «В Сырах» (2012) автор, он же герой, настойчиво проводит параллели с гётевскими Фаустом и – одновременно – с Вертером: «Гёте выжил, но Вертер покончил с собой. Мой шедевр "Это я, Эдичка" менее роман, чем гётевский, посему выжил мой антигерой, так же как и автор», - пишет С. Оробий [8].

В контексте автомифологизации Э. Лимонов наиболее часто обращается к образу Фауста и к трагедии Гете в целом, называя ее «кастовой, иерархической книгой» [4, 133]. Постараемся определить все мотивы, которые располагают писателя именно этот образ ставить в центр своей «антропоцентрической» системы. При этом заметим, что сам Э. Лимонов замечает, что не стоит забывать о возрастных аспектах этого интереса. Фауст пришел в мир Э. Лимонова, когда писатель стал приближаться к солидному возрасту, к старости.

1) В структуре трагедии Гете позиция Фауста – это позиция совершенно особой личности, которая всегда сохраняет свое одиночество и постоянно стремится к движению,

обожествляя его как принцип, который приемлем для личности, желающей шагнуть от статуса человека к статусу сверхчеловека. 2) Фауст – человек риска: желая измениться, по своему воплотиться заново, герой Гете заключает договор с Мефистофелем, бесстрашно идет на контакт с нечистой силой, желая приобрести ту энергию, которую невозможно обрести чистым, «небесным» путем. 3) Стремясь к статусу сверхчеловека, всем своим поведением Фауст показывает, что ничто человеческое ему не чуждо. Это действительно интересный парадокс: желать невозможного, и при этом постоянно оказываться в житейских, вполне низких или обыденных сюжетах. Фауст стремится к Маргарите, желает ее, преуспевает в соблазнении и отбрасывании от себя женскую душу, которая может помешать в бесконечном движении. 4) Фауст – воплощение принципа перехода от теории к практике, столь важного для Э. Лимонова. Пройдя долгий схоластический путь, успев побывать и юристом, и богословом, Фауст устремляется к своей персональной «революции»: он не просто омолаживается, он переживает трансформацию, преодолевая смертельную депрессию и оценивая «жизнь» как силу, которой стоит отдаться по-настоящему. 5) Фауст – этически двойственный, морально неоднозначный герой, способный перешагнуть через нравственные стандарты. Если Филимон и Бавкида мешают грандиозным преобразовательным работам, старикам нет больше места на земле. Это не моральный релятивизм (в истолковании Гете), а своеобразный «революционный» и при этом трагический героизм, хотя и следует обязательно заметить, что никакого влечения к конкретной политике у героя Гете нет. Он пребывает над социально-исторической суетой, что весьма сильно отличает его от лимоновского жизненного идеала, требующего партийной работы, народных масс, площадей и т.д. 6) Фауст, который открыт читателю в своем кризисе и договоре с Мефистофелем, не может быть назван простым героем, проходящим вполне определенные этапы своего развития. Вторая – нарочито усложненная – часть «Фауста» показывает, что герой ускользает от однозначных оценок, погружается в мифологические и метафизические сферы. 7) Покинув пространство схоластики, герой Гете превращается в богослова-практика, который вряд ли обходится без ереси: даже в своем вольном переводе первой главы «Евангелия от Иоанна» он меняет «слово» на «дело», уходя от христианства в сторону философии активности, безграничного динамизма. Никакой церковности в этой «религии» Фауста не остается. «Бог» может остаться в риторике, но не в сущностном понимании мира, не в вере. Собственно, и вера остается как вера в принцип, а никак не в божественную личность. 8) Можем предположить, что для Э. Лимонова важен и финал «Фауста». Формально герой проигрывает Мефистофелю, но это парадоксальное поражение: остановлено мгновение вечного движения. Герой совершил немало рискованных поступков, начал свой путь с заключения договора с сатаной, но – оправдание в отсутствие лицемерия, в

нежелании смириться со стандартным человеческим уделом, в борьбе со старостью, в конце концов. Поменяв старость на молодость, Фауст оказывается и в активном познании, и в практике. Для Э. Лимонова это особенно важно.

Наибольшей парадоксальности лимоновская концепция личности достигает в книге «Illuminations», которую мы склонны рассматривать как своеобразный «научный роман». С одной стороны, доминирующий дискурс в этом тексте научной-публицистический, восходящий к традициям экзегетической прозы – толкованиям на книги Священного Писания. С другой стороны, в центре располагается концепция-фантазия, некое авторское «фэнтези», изложенное не литературно-художественным, а словно специально придуманным Лимоновым литературно-научным языком.

«В религиозных исканиях Эдуарда Лимонова есть что-то невероятно трогательное, оптимистически-оптимистическое. Есть такие персонажи, которым можно простить все: и чрезмерную экспансивность, и недостаточную образованность, поскольку в них содержится нечто подлинное, необъяснимое обычными критериями», - считает Е. Дайс [2].

Для верного понимания происходящего в книге «Illuminations», надо учитывать становление трех главных фигур: «Человека», «Бога», «Автора». Итак, человек – это биоробот. В его происхождении нет никаких высоких мотивов. «Невыносимый человекоцентризм» [6, 29] не уместен хотя бы потому, что мотивы любви, душевного совершенства и бессмертия никак не касаются сущности «биоробота», который может ходить, говорить, совершать некие внутренние движения, но, при этом, напрочь лишен «образа и подобия Божия», если понимать под ним потенциал вечной жизни, противостоящей всем формам небытия.

«Смерть человека – это операция по зарядке чьих-то аккумуляторов, а именно сверхсуществ. Таким образом, предназначение человека – умирать, а его духовная энергетика заряжает аккумуляторы наших создателей», - подобных фраз в «еретической» книге Э. Лимонова много [6, 33]. «В самой печали биоробота о своей смерти и страхе ее уже заключен ответ на вопрос: есть ли жизнь после смерти? Конечно, нет жизни после. Иначе не было бы и печали. После смерти жизни нет ни у тела – оно превращается в неорганические соединения, ни у души – она идет на энергетическое насыщение создателей», - безжалостно рассуждает автор [6, 95].

Все высокие чувства – саркастическая иллюзия: «Биороботы заряжаются друг от друга энергией, необходимой для продолжения довольно бессмысленного своего существования на Земле, летящей в страшное никуда. Биороботы используют друг друга как аккумуляторы жизненной силы» [6, 123]. «Человек же – размещенная на Земле домашняя скотина Создателя, правда, взбунтовавшаяся скотина», - так Э. Лимонов продолжает

эпатировать, настаивая на изначальности ограниченности человека, его предназначенности к решению функциональной проблемы, никак не связанной с мыслями о душе [6, 195].

Впрочем, в последней фразе есть типичная для Э. Лимонова инициатива – бунт: человек – это биоробот, способный выражать протест и выстраивать мир против тех, кто его создал. Здесь появляется фигура «Соавтора», которая активизирует сюжет грехопадения. Не сложно заметить, что дьявол (в христианской богословской традиции) перестает быть той основой зла, которая повинна в первом непослушании человека, его отступлении от Бога и, как следствие, ответственна за изгнание из рая, постоянное умирание и окончательную смерть.

Э. Лимонов – не романтик: контекст каких-то специально высоких чувств для «Соавтора» не предназначен. Более того, писатель признается, что не знает всех целей этой фигуры, которая удачно совершила искушение у Древа Познания добра и зла и дала человеку разум. Следовательно, человек – это биоробот, энергетическая пища, которая не должна была встретиться с разумными формами жизни. Но человеческий «соратник», по мнению автора «Illuminations» постарался, и человек оказался разумным биороботом, способным понимать свою участь.

Создатели не хотели дать человеку сознательную участь: «Тело человека для Создателя всего лишь инкубатор для вызревания души», «душа – энергетические консервы Создателя» [6, 57]. Пожалуй, во всех текстах Э. Лимонова «уровень власти» - это то, что оскорбляет человека, лишает его свободы, мешает быть полноценным «Фаустом». Но именно в этой книге проясняется «метафизическая» основа неугасаемой революционности человека, сконцентрированной, прежде всего, в самом Э. Лимонове. Как можно ценить «Верх», «Небо», «Творца», «Правителя», если в основе человеческого существования без всякого позитивного чувства к создаваемому располагается «Главный Паук», «злонамеренный и мстительный Создатель». Автор не настаивает на том, что точно знает его внешний и внутренний вид, но в своих предположениях он всегда желает оскорбить «верхний уровень», показать, что для человека не существует «верха», связанного с Богом или, по Э. Лимонову, с так называемыми «Богам».

Создатели не знают любви и добра. Вселенная чужда любой форме морали, абсолютно свободна от нравственных императивов. Следовательно, человек («домашняя скотина») находится в мироздании, в котором нет никакой основополагающей милости. Что касается Иисуса (Э. Лимонов время от времени обращается к его образу), то он не является самостоятельной фигурой. Создатели, каким бы видом они ни обладали, осведомлены о человеческих инстинктах убийства и самоубийства, которые пришли вместе с разумом. Чтобы подавить эти инстинкты, угрожающие уничтожить без следа энергетическую пищу,

приходят пророки смирения и подчинения Небу. Среди них – Иисус: соратник Создателей, но не Спаситель людей.

«Предназначение человека – найти наших создателей и победить их» [6, 37]. Так формулируется цель для «восставшего биоробота», получившего разум и, в принципе, переставшего быть полностью управляемым изделием. В этом контексте вполне логична авторская фраза: «Я сознаю себя ересиархом» [6, 59]. Сближая себя с гностиками, любясь логикой их мысли, выступающего против «низшего бога», создавшего землю и телесного человека, автор утверждает, что «универсальной религией человека должна стать ЕРЕСЬ» [6, 222]. Конечно, бога нет в новой – лимоновской – «религии»: «Мы сами – сверхъестественная сила» [6, 223].

Трудно не заметить,, что отношение Э. Лимонова к человеку (в его конкретности) ближе к негативному. Конечно, для этого есть свои основания. Вот слова героя «В Сырах» о собственной жене: «Красивой женщине все идет. Она была очаровательна в полупьяном состоянии, да и травы она выкурила немало, приложилась ко многим косякам. Но была очаровательна... (...) В ней было все: порок, лошадиная доза харизмы, шарм и грация молодой соблазнительной самки, чулки, ножки, повороты, злодейские и мистические выражения лица» [4, 142]. «Офисный планктон состоял из особого рода девок и особого сорта молодых людей: безгрудых долгоносиков с огромными ладонями. Сама собой вывелась порода мальчиков, обслуживающих компьютеры», - рассуждает герой о молодом поколении [4, 49].

«— Вы много раз говорили, что ищете себе соратника по политической борьбе. Чем Сергей Удальцов вам не подходит? — Сергея я знаю тысячу лет. Ему было лет семнадцать, когда он руководил молодежкой у Анпилова. Но он глупый политик. Еще пятнадцать лет назад его коронным номером было прорваться в конце какого-либо политического мероприятия сквозь милицейские цепи. Тогда за это даже пятнадцать суток не давали. И с тех пор у него не появилось никакой стратегии, он по-прежнему постоянно куда-то прорывается. У него не отнимешь личной храбрости, но это храбрость глупого полевого командира», - строки из интервью подтверждают, что и Лимонов-политик далек от желания раздавать комплименты [9].

Приведем два суждения об Э. Лимонове, вступающие друг с другом в конфронтацию. «Лимонов — писатель откровенно миддлклассовый, плоть от плоти и кость от кости бургерства. Революция, говорите? Не советую заблуждаться на сей счет: бунт есть крайняя форма мещанского самоутверждения», - утверждает А. Кузьменков [3]. «Человек, сделавший себя сам, Лимонов – писатель с замечательной биографией, которую он использовал для ставшего притчей во языцех мифотворчества, начиная с автобиографических романов о

Нью-Йорке и Харькове, своего рода трилогии, которую впоследствии назвал своим Bildungsroman. По определению Гольдштейна, Лимонов – «солдат на посту пишущей машинки, смело разоблачающий им же сделанную биографическую легенду», - заключает О. Матич [7].

Видимо, во взаимодействии этих противоположных суждений и открывается главный смысл лимоновской концепции личности. Есть стремление героизировать и мифологизировать свою жизнь, интерпретировать как судьбу интереснейшего человека своего времени. Но при этом вместе с аутобиографизацией активно нарастает присутствие бытовых контекстов, постоянно снижающих пафос «явления героя». Да и сам человек – биоробот, энергетическая пища, существо с изначально невысоким функциональным заданием. Однако этот «биоробот», получив разум, вступает в борьбу с Создателями, стремясь изменить участь.

Человек – это тот, кто вполне может быть подавлен бытом, повседневностью, мелочностью задач, отвратительной старостью, наконец. Но он должен бороться, совмещая поступок-действие и поступок-мысль. Тогда открывается возможность сблизиться с архетипом «Фауста» и преодолеть низость обыденного существования.

Список литературы

1. Беляков С. Пассионарий Лимонов // <http://www.chaskor.ru/p.php?id=3659>
2. Книжная полка Екатерины Дайс // Новый Мир, 2013, №1; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/1/d16-pr.html
3. Кузьменков А. Дурная бесконечность [Эдуард Лимонов. В Сырах. — СПб.: Лимбус Пресс, 2012.] // Урал, 2013, № 4; <http://magazines.russ.ru/ural/2013/4/k18.html>
4. Лимонов Э. В Сырах. СПб., 2012.
5. Лимонов Э. Дед. СПб., 2014.
6. Лимонов Э. Illuminations. М., 2012.
7. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Октябрь, 2013, № 11; <http://magazines.russ.ru/october/2013/11/32m.html>
8. Оробий С. Сверхчеловек Савенко // <http://homo-legens.ru/homo-legens-no-1-2013/pravilachteniya/sergey-orobiy-sverhchelovek-saenko/>
9. Претендент на высший пост в Российской Федерации // <http://ed-limonov-2012.livejournal.com/313466.html>
10. Свердлов М. "Полюбите себя...": Эдуард Лимонов и его почитатели // Вопросы литературы, 2005, № 6; <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/sv2.html>

Рецензенты:

Татаринов А.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета. г. Краснодар;
Дацко Т.Ф., д.фил.н., профессор, НЧОУ ВПО Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского, г.Краснодар.